

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.043
УДК 821.161.1-14 Ахматова + 808.1

А. М. Меньщикова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Т. А. Снигирева

*1) Уральский федеральный университет
2) Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

БЕГ ВРЕМЕНИ АННЫ АХМАТОВОЙ: ОТ ЛИЧНОЙ СИГНАТУРЫ ДО ЭМБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ*

Логика статьи подчинена исследованию сложного «скрещения судеб» творческого пути Анны Ахматовой и жизни трех поколений, участником и свидетелем которой она была. Показано, что преломление трех эпох в биографии и творчестве поэта, обеспечившее образу Ахматовой эмблематичность, обусловлено историзмом как доминантной чертой ее поэтического мировидения. Выделены и описаны три личные сигнатуры поэта, востребованные временем: лунная дева, колдунья, пророчица Серебряного века; плакальщица, мать, жена, взявшая на себя миссию поминовения погибших в тюрьмах, лагерях, во время войны — в 1930–1940-е гг.; классик русской поэзии, ставший подлинным воплощением связи времен для молодого поколения поэтов в 1960-е гг., что отразилось в множественности и разнообразии «царских» сигнатур-инсигний Ахматовой, создаваемых ею на страницах «Записных книжек», моделируемых ее современниками в мемуарах (зачастую при известном участии поэта), а также — в визуальном коде: от портретов до фотографий, относящихся к разным десятилетиям. Важно, что образ поэта, преломившись в зеркалах каждой из непохожих друг на друга эпох, позволяет и самому времени отразиться в «ахматовских зеркалах».

Наиболее драматичные моменты «некалендарного двадцатого века» во многом связаны с ее личной и поэтической судьбой, ставшей одним из воплощений

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

судьбы — «трагической симфонии» ее поколения. Особое внимание уделяется самообозначению сакрального характера, которое предназначено Ахматовой не для времени, но для вечности, является своеобразным тайным кодом, могущим быть расшифрованным только поэзией и поэтами.

Ключевые слова: Анна Ахматова; сигнатура; эмблема; поколение; время; история.

Цитирование: *Меньщикова А. М., Снигирева Т. А. Без времени* Анны Ахматовой: от личной сигнатуры до эмблемы поколений. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.043 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 11–23.

Поступила в редакцию 18.05.2019

Принята к печати 21.06.2019

Anna M. Menshchikova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

Tatyana A. Snigireva

*1) Ural Federal University
2) Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia*

THE FLIGHT OF TIME BY ANNA AKHMATOVA: THROUGH PERSONAL SIGNATURE TO GENERATIONAL EMBLEM

The logic of this article comes from the research of the intricate “crossing of destinies” in the life and creative journey of Anna Akhmatova and in the life of three generations which she witnessed and shared. The study demonstrates that the deflection of the three epochs in Akhmatova’s biography and creative work, which made her image emblematic, is integral to historicism as a dominant feature of her poetical world perception. The authors distinguish and characterise three personal signatures of the poet demanded by the time: a lunar maiden, sorceress, and prophetess of the Silver Age; a mourner, mother, and wife who took up the mission of praying for those who died in prisons and camps during the war between the 1930s and 1940s; a classic of Russian poetry, who became an authentic incarnation of the link of times for the young generation of poets in the 1960s. It is represented in the multiplicity of Akhmatova’s “imperial” signatures-insignias, which she created in her *Notebooks*, and her contemporaries reflected in their memoirs (sometimes with the participation of the poet). Additionally, they were realised in the visual code, namely portraits and photographs, dating back to different decades. It is important that having been reflected in the mirrors of various epochs, the poet’s image lets time itself be reflected in “Akhmatova’s mirrors”.

The most dramatic moments of “not what the calendars say, but the real Twentieth Century” are mostly the parts of her private and poetic life, as her destiny was the embodiment of the “tragic symphony” of her generation. Special attention is paid in the article to the self-designation of sacral nature, which Akhmatova intends not for

time, but for eternity, it is a unique secret code, which can be decoded only by poets and poetry itself.

Key words: Anna Akhmatova; signature; emblem; generation; time; history.

Acknowledgements

The work was supported by *Russian Foundation for Basic Research*, grant 19-512-23003 “Self-Awareness and Dialogue of Generations in Russian and Hungarian Literary Practice of the 20th–21st Centuries”.

Citation: Menshchikova, A. M., & Snigireva, T. A. (2019). *Beg vremeni* Anny Akhmatovoi: ot lichnoi signatury do emblemy pokolenii [*The Flight of Time* by Anna Akhmatova: Through Personal Signature to Generational Emblem]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 11–23. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.043

Submitted on 18 May, 2019

Accepted on 21 June, 2019

Анна Ахматова всегда умела говорить на языках тех культурных поколений, с которыми время сводило ее на протяжении ее долгой жизни.

Л. Гинзбург

Более чем полвека назад, в 1965 г., на церемонии чествования в театре Шелдон (Оксфорд) в связи с присвоением звания почетного доктора, Анна Ахматова была названа «русской Сафо», той, «чьи стихи знали наизусть три поколения» [Мок-Бикер, с. 13]. Важно, что речь идет о поколениях, судьба которых была определена разными, но отчетливо явленными в отечественной истории эпохами, каждая из которых характеризуется собственной интонацией и характером. Именно поэтому *genius temporis* каждой из них могли быть скорее противопоставлены друг другу. Тем не менее, Ахматова во многом стала «образом века своего», эмблемой каждого из периодов, определяющих характер поколений XX в. — старших и младших современников поэта: Серебряный век, страшные годы террора и войны, «вегетарианские времена» 1960-х гг. Не случайно, характеризуя воспоминания об А. Ахматовой, Д. Лихачев замечает, что они освещают не только ее личность, сборник мемуаристов разных поколений посвящен «не только ей: он о ее эпохах, а пережила она их несколько, и очень несхожих» [Лихачев, с. 4].

Очевидно, особое место Ахматовой в «русском поэтическом алфавите» (И. Бродский) позволило А. К. Жолковскому, анализируя характер восприятия ее личности и судьбы на протяжении десятилетий, емко сформулировать свойство поэта отражаться во множестве зеркал¹ (и при жизни, и даже после

¹ Позволим себе акцентировать внимание на приеме, столь характерном как для поэзии А. Ахматовой, так и для пишущих о ней: «Анна Ахматова в сто первом зеркале» (В. Я. Виленкин), «В минус первом и минус втором зеркале...» (А. К. Жолковский), «Ахматовские зеркала» (А. Демидова) и т. д.

смерти): «Либералам дорог ее оппозиционный ореол, верующим — православие, патриотам — русскость, прокоммунистам — чистота анкеты от антисоветских акций, монархистам — ее имидж императрицы и вся ее имперско-царскосельская ностальгия, мужчинам — женственность, женщинам — мужество» [Жолковский, с. 141].

В сентенции А. К. Жолковского слышна ирония над созданием культа поэта, что в XXI в., времени переосмысления незыблемости авторитетов поэтов-классиков, времени свержения кумиров, «одинаково удобных для восхваления и для ниспровержения» (Ю. Лотман), стало уже ощутимой тенденцией. Однако при свойственном ныне для отечественной гуманитаристики скепсисе нельзя оспорить сложно зачеркиваемый факт: поэзия, личность, судьба А. Ахматовой, будучи связанной с узловыми моментами отечественной истории двадцатого столетия и отразившись в зеркале сменяющихся эпох, стала образом не только своего времени, но и поколения. М. Фуко, переводя «учение о сигнатурах»² в философскую плоскость, настаивая на том, что мир состоит из подобий, замечает, что эта «система не является замкнутой», без разомкнутости «вся система сходств рисковала бы избавиться от себя самой или остаться невидимой, если бы новая фигура подобия не завершала бы круга, делая его одновременно и совершенным, и явным» [Фуко, с. 43]. Каждая эпоха, свидетелем которой была Ахматова, на основаниях *пригнанности, соперничества, аналогии и симпатии* (рядоположение М. Фуко) [Там же, с. 43–44] избирала в ее фигуре и судьбе собственную грань, затемняя другие, подчас неудобные или несвоевременные стороны.

Преломление времени в биографии и творчестве, обеспечившее образу Ахматовой эмблематичность, обусловлено историзмом как доминантной чертой ее поэтического мировидения. Афористически точна расшифровка смыслового значения взятого псевдонима, сделанная И. Бродским: «Пожалуй, это была ее первая удачная строка, отлитая акустически безупречно, с “Ах”, рожденным не сентиментальностью, а историей» [Бродский, с. 67]. В. Н. Топоров, определяя историзм поэта как «органичайшее пресуществование биографии в историю и истории в биографию» [Топоров, с. 263–264], замечает: «История и знание о ней, память истории устроена, как и сама память, память жизни, память Я <...> Поэт ставит себя в пересекающейся части двух памятей – личной и исторической, и каждая из них “заражается” свойствами соприсутствующей ей другой части» [Там же, с. 267–268].

Ахматова, «свидетель истории — и отечественной, и мировой», «поэт истории», сопоставляя личное и историческое, уделяла пристальное внимание тому, как пишутся воспоминания о встречах с ней и создаются наброски для будущей биографии [Седакова]. Красноречивы воспоминания Ан. Наймана, литературного секретаря поэта в 1960-е гг., цитирующего замечание Ахматовой: «У меня есть такой прием: я кладу рядом с человеком свою мысль, но незаметно. И через некоторое время он искренне убежден, что это ему самому в голову пришло»

² Сигнатура — от лат. *signature* «обозначение», также «подобие, соответствие».

[Найман, с. 72]. Так, на страницах воспоминаний П. Н. Лукницкого, одного из первых «летописцев» Ахматовой, встречается немало примеров применения обозначенного приема: «Показала мне свинцовую медаль с ее профилем, сказала, что любит ее. Я заметил, что профиль тяжел. “Это мне и нравится... Это придает “античности”...”» [Лукницкий, с. 34]; «Я принес АА свой литературный дневник и стал читать. АА делала свои замечания — некоторые фактические поправки. АА очень огорчили дневники: “По этому дневнику выходит, что я злая, глупая и тщеславная... Это, вероятно, так на самом деле и есть”» [Там же, с. 86]. В продолжение этой записи автор дневников дает пространное и подробное объяснение искажения текста, а также перечисляет факты, опровергающие *неверное* представление о поэте как «злой» личности.

Помимо прямых исправлений дневниковых записей, о которых известно из разных источников³, более существенным представляется ахматовское внимание к языку, его изменениям во времени. Ан. Найман пишет о работе Ахматовой над записями о Серебряном веке в последние годы ее жизни: «Она объясняла причины, разоблачала клеветы и ложь, исправляла ошибки и неточности и, по-моему, вообще немножко исправляла то ту, то другую черточку ушедшей действительности — не для того, чтобы приукрасить, не ради будущей выгоды, а скорее *mutatis mutandis*, применительно к изменяющимся обстоятельствам» [Найман, с. 30]. Ахматовские «поправки» нередко вызывают некоторое недоумение как у мемуаристов, так и у современных исследователей, но необходимо помнить главную мотивировку их появления: последовательную защиту от прямых искажений. Небезосновательно замечание в «Записных книжках» о «...возникновении еще одного оборотня, кот<орый> циркулирует в зарубежной прессе и носит мое имя» [Записные книжки, с. 116]. В любом случае, с коррективами или без них, Ахматова постоянно идет на «скрещивание судеб» истории и автобиографии, в результате чего остается «человеком своего времени», одновременно становясь его эмблемой [Найман, с. 30].

Зеркало Серебряного века утверждает и навсегда закрепляет внешний облик Ахматовой, запечатленный в портретах: угловатая, тонкая, ломаные линии силуэта, узнаваемый горбоносый профиль с незавитой челкой — в изображениях Н. И. Альтмана, Ю. П. Анненкова, А. Модильяни, чуть позже — Н. Коган. Через портретные образы Ахматову воспринимали впервые встретившиеся с ней, сверяя поэта с портретами, как с подлинниками. Ф. Раневская о первой встрече с Ахматовой в 1912 г.: «Анна Андреевна открыла сама и стояла в дверях царственно-красивая, с челкой, остро-угловатая, как на полотне Альтмана» [Скороходов, с. 69]; Л. Гинзбург о встрече в конце 1920-х гг.: «Я помню Ахматову еще молодую, худую, как на портрете Альтмана, удивительно красивую, блистательно остроумную, величественную» [Гинзбург, с. 126]. Незавитая челка, узкая черная юбка, шаль, воспетая Мандельштамом, нарочитая угловатость, сродни изломанности, и другие детали облика Ахматовой, нередко определяемые ею самой

³ См. записи Л. К. Чуковской, Ан. Наймана, В. Виленкина и др.

в стихах 1910-х гг., стали импульсом создания в поэзии и живописи конфликтной к общепринятой иной красоты как знака модернистского варианта поведения. Точно угадал появление нового канона Г. Адамович: «Анна Ахматова поразила меня своей внешностью. Теперь, в воспоминаниях о ней, ее иногда называют красавицей: нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица» [Адамович, с. 66]. Показательно, что этот облик привязан именно к Серебряному веку, «застыл» в нем. Например, биограф Ольги Глебовой-Судейкиной Элиан Мок-Бикер, впервые встретившаяся с поэтом в 1965 г. в Оксфорде, замечает: «Черная шаль и челка, воспетые столькими писателями и поклонниками, были единственными приметами, соотносившими ее — в моем сознании — с привычным образом. Я как будто перенеслась за рамки пространства и времени...» [Мок-Бикер, с. 14].

Обращенность Серебряного века к оккультному, иллюзорному, мистическому нашла отражение в ахматовских личных сигнатурах лунной девы, колдуньи, пророчицы, которые она культивировала на протяжении всей жизни в поэзии, в записных книжках и даже в бытовом поведении. Ей, по воспоминаниям многих, нравилось домашнее прозвище «Акума»: «...это шуточное название означает в японском языке “ведьма, колдунья” <...> да она в какой-то мере и была такой...» [Дувакин, с. 140–141]. Упоминания о вещих снах Ахматовой и ее способности знать о предстоящих встречах и событиях постоянны, как и о лунатизме в качестве того пограничного состояния, в котором смешаны сон и явь и которое способствует особому видению сути вещей. В середине 1920-х гг. П. Н. Лукницкий с ее слов записывает: «...луна стала на нее действовать. Ночью вставала, уходила на лунный свет в бессознательном состоянии. Отец всегда отыскивал ее и приносил домой на руках. “У меня осталось об этом воспоминание — запах сигары... И сейчас еще при луне у меня бывает это воспоминание о запахе сигары...” <...> Я увидела какой-то сон и во сне встала, дошла до середины комнаты и громко говорила: “Пришел, пришел...” <...> Подумайте: другие видят сны, но не ходят по комнате» [Лукницкий, с. 56]. Впоследствии переплетение мотива сна / яви и появление гостя (из будущего), очевидно, будет воплощено в строках стихотворения «Наяву»:

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок...

[Ахматова, 1999, с. 123]

«Серебряный век, — по замечанию М. В. Серовой, — обладал исключительно мощным мифотворческим потенциалом. Миф века складывался из множества частных автобиографических мифов» [Серова, с. 6–7]. Чеканность ахматовского профиля стала значимой частью портрета целой эпохи, первой эпохи в ее судьбе.

Ахматова в записных книжках сама точно определила начало нового периода в своем творчестве: «С 1935 г. я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился,

но голос уже звучит по-другому <...> 1940 — апогей...» [Записные книжки, с. VII]. Одним из знаков прихода следующего этапа становится своеобразная «драма местоимений» [Меньщикова, Снигирева, с. 117]. Сложность смыслового чередования «я» — «мы» — «она» порой заменяется указанием «кто-то другой»⁴, что отмечает Ан. Найман, останавливаясь на значимости прямого отождествления судьбы героини «Реквиема» и биографии поэта: «“Кто-то другой” — это “я”, вставшее в тюремную очередь, ставшее одной из частиц очереди, равных друг другу» [Найман, с. 179]. Принципиальность позиции — «Я — голос ваш...», усиленной адекватностью и взаимозаменяемостью своей судьбы с судьбой своего народа, позволила И. Бродскому спустя годы назвать Ахматову народным поэтом:

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей
Я не знаю, который год,
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет...

[Ахматова, 1989, с. 252]

Образ плакальщицы, матери, жены, взявшей на себя миссию поминовения погибших в тюрьмах, лагерях, во время бомбежек в Ленинграде, явлен во всем ахматовском тексте предвоенных, военных лет и послевоенном десятилетии. Так, «Эпилог» «Реквиема» — своего рода поэтический кенотаф жертв репрессий конца 1930-х гг.:

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

[Ахматова, 1998, т. 3, с. 30]

Именно в «Реквиеме» поэт определяет *свое* место, отменяя все предыдущие, хронологически и символически связанные с Серебряным веком:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

[Там же]

⁴ Ср. строки «Реквиема»: «Нет, это не я, это кто-то другой страдает» [Ахматова, 1998, т. 3, с. 24].

В «Поэме без героя» (впервые — в редакции 1943 г.) темой поминовения скрепляется весь текст: «Всю поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады». Трагичность судьбы Ахматовой, матери и жены, закреплённая поэтическим словом, сделала ее эмблемой страдания и скорби, одновременно — мужества и стойкости, что позволяло ей стать доверенной для своих сограждан, которой поручено говорить голосом «стомильонного» народа и представлять его.

Самообозначение — Мать и Жена — оттенено сигнатурой Пророчица, как обязательного свойства истинной женщины. Т. В. Цивьян замечает, что «мотив Кассандры как пророчицы несчастий появляется у Ахматовой очень рано, когда, казалось бы, нельзя было провидеть бед и катастроф» [Цивьян], однако именно зеркало страшной эпохи свершившихся трагедий (и собственных, и всеобщих) закрепляет эту ипостась Ахматовой. Вслед за Т. В. Цивьян, предложим и дополним ряд примеров:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар...

1915 [Ахматова, 1998, т. 1, с. 231]

Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел,
серебряно звеня. Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня <...>
...Ей — опустевшей — приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916 [Там же, с. 269]

И всегда в духоте морозной
Предвоенной, блудной и грозной
Потаенный носился гул...

1942 [Ахматова, 1998, т. 3, с. 72]

И наконец: «Мне ведомы начала и концы...» (1945) [Ахматова, 1999, с. 108]⁵.

Повторим, личные сигнатуры Ахматовой, «взятые временем напрокат», отлитые им в эмблемы, в каждый из периодов поддерживаются устойчивым визуальным рядом, созданным скульпторами, живописцами (Н. А. Тырса, Г. Верейский, А. Г. Тышлер), закреплённым в фотографиях (Л. Горнунг, В. Виноградов, М. Наппельбаум, Н. Глен, Н. В. Фок и др.). Пожалуй, начиная с этого времени в дневниках, записках и воспоминаниях все активнее начинают доминировать такие определения, как «величественная» и «царственная», впоследствии ставшие общим местом мемуаристов, кроме, пожалуй, Н. Мандельштам,

⁵ Более подробно об отражении Ахматовой в зеркале античных фигур, в том числе Кассандры, см. [Цивьян].

назвавшей Ахматову «голубкой и хищницей», и как свидетель чрезвычайно пристрастный, но знающий, передавшей оценку Ахматовой манеры изображать ее «как на медали» (определение Л. Чуковской). Со слов Н. Мандельштам, Ахматова всегда повторяла: «Не хочу быть “великим металлистом...”». “Великий металлист” — это фарфоровая статуэтка Данько, где Ахматова стоит во весь рост со всеми полагающимися ей атрибутами: ложноклассическая, фарфоровые складки и тому подобное...» [Мандельштам, с. 315].

Новое время взывало к иной эмблеме, иному образу, который бы свидетельствовал и о трагедии, и о силе ее преодоления. В описаниях облика и поведения Ахматовой начинают доминировать приемы, подчеркивающие статуарность (несгибаемость), скульптурность (царственность), мистериальность (трагичность): «высокая женщина с гордо откинутой головой, вся ее фигура выражала напряженное страдание» [Попова, Рубинчик, с. 119]; «Ахматова сидела прямо, неподвижно, как изваяние, и слушала музыкальный гул своих стихов с выражением спокойным и царственно снисходительным <...> Эту монументальную, мистериальную и единственную в своем роде сцену — Ахматова наедине с эхом своего голоса — я прочно запомнил» [Максимов, с. 110]; «...грандиозна, неприступна, далека от всего, что рядом, от людей, от мира, безмолвна, неподвижна. <...> Держалась очень прямо, голову как бы несла, шла медленно и, даже двигаясь, была похожа на скульптуру, массивную, точно вылепленную — мгновениями казалось, высеченную, — классическую и как будто уже виденную как образец скульптуры» [Найман, с. 16].

В последнее десятилетие своей жизни Ахматова стала одной из немногих представителей поэтического круга Серебряного века — поколения, судьбе которого посвящена «трагическая симфония» (определение «Поэмы без героя», принадлежащее М. Зенкевичу и записанное Ахматовой с пометой «отзыв современника») [Записные книжки, с. 134]. Став свидетелем революции, страшных лет террора, блокады и эвакуации, войны и Победы, жестокости послевоенного десятилетия, неоднократно пережив «гражданскую смерть», в шестидесятые годы она, окруженная новым поэтическим поколением, заняла место «живого классика», став подлинным воплощением связи времен, подводила черту под описанием собственной судьбы и пережитых ею эпох.

В третью эпоху своей жизни, став для нового поколения эмблемой «царственного слова», Ахматова дописывает свою «Книгу Судьбы», сюжет которой потаенно или, напротив, открыто связан с сакральными самообозначениями [см. об этом подробнее: Снигирева]. Привычный сюжет движения «от Женщины к Жене» может быть дополнен вектором «от Матери к Творцу». В работе Н. В. Недоброво одной из основных стала мысль о «сильнейших выражениях религиозного чувства» [Недоброво, с. 63–64] как основе формирующегося поэтического Космоса Ахматовой. Тема сознательно избранного / предугаданного особого, заведомо «страдальческого» пути — сигнал будущего «потаенного сюжета» творческой судьбы поэта. Поздняя Ахматова постоянно возвращается к важнейшей для нее мысли о взаимозаменяемости Творца и его творения,

поскольку именно Слово художника и является пропуском в бессмертие. Ахматова вплотную подходит к одному из важнейших для русской поэзии XX в. постулатов — к «оправданию языка» или «лингводице», что присуще только поэзии, которая способна выразить неизъяснимое и впрямую связана с возможностью (воспринимаемой как дар и как наказание) творца к божественному / метафизическому постижению мира / человека. Лингводицея — ядро общей картины мира русской поэзии и являет себя в создании особого, порой тайного кода, понятного только посвященным; в утверждении власти Слова над Поэтом, ведомости Поэта Словом, экзистенциальной подчиненности Поэта Слову / Языку («поэт — часть речи»). С точки зрения метафизики, лингводицею русской поэзии определяет следующая система поэтико-философской версии бытия: пророческая сила поэтического слова; сакральный характер самоидентификации русского поэта; мученическая судьба поэта в России как знак его избранничества и мессианства; стихотворение как Жизнетворение и Боготворение («и творчество и чудотворство»); Слово как преодоление смерти и выход в бессмертие; поэзия как высшая этика, оправдывающая существование человека и человечества.

Возможно, только И. Бродский и В. Н. Топоров подошли вплотную (конечно, не только без осуждения, но и с известным восхищением перед смелостью, возможно, безрассудной, как это и принято у больших поэтов) к «еретической тайне» Ахматовой. В. Топоров обращает внимание на множественность и разнообразие «царских» сигнатур-инсигний Ахматовой. Исследователь называет ряд образов, поддерживающих создаваемый поэтом и одновременно современниками Ахматовой статус ее царственной принадлежности: «знаменитые царицы древности — Дидона, Федра, Клеопатра — избирались ею своими зеркалами», образы царевичей как суженых лирической героини, но это и темы венца, символа царской власти и смертных мучений, и трона-плахи» [Топоров, с. 357–358]. К этому ряду примыкают очень редкие, а потому, может быть, особо значимые прямые сопоставления своей судьбы и предназначения с судьбой и предназначением Царя Божьего, открытого соединения Его страдальческого пути и пути Поэта, вплоть до прямого сопоставления своей судьбы и судьбы Спасителя:

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший,
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?! —
Так я...»

[Ахматова, 1989, с. 291]

И. Бродский, не без внутреннего трепета, настолько в принципе ему несвойственного, замечает: «И чем она усерднее пряталась, тем неуклоннее ее голос таял в Чьем-то Другом (насколько важны здесь заглавные буквы. — А. М., Т. С.), бросавшем в дрожь при попытке увидеть, как в “Северных элегиях”, кто скрыт за местоимением “я”» [Бродский, с. 67]. Скорее всего, речь идет о Второй элегии,

основным лирическим сюжетом которой становится приход Поэта в мир, прозрение своей Судьбы и готовность ее принять:

И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить,
И тем сильнее хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.

[Ахматова, 1989, с. 216]

Безусловно, столь дерзкая сигнатура, напрямую соотносящая приход в мир Поэта с приходом Спасителя могла быть адресована только посвященным, т. е. самой поэзии и поэтам, которые способны «считать» ее.

Т. Цивьян писала: «...речь идет не о том, что Ахматова находила — или хотела найти — в себе сходство с импонирующими ей образами, а в том, что она обладала способностью воссоздавать и в жизни, и в поэзии некий высший уровень чувств и переживаний, имея в виду хрестоматийные, но не теряющие своей глубины и значимости образцы» [Цивьян]. Именно эти, освященные культурой образы, в которых так нуждались поколения XX в., Ахматова им отдавала, восстанавливая все время находящуюся на грани распада связь времен.

Источники

Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / [сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных ; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова]. М. : Сов. писатель, 1991. С. 65–77.

Ахматова А. А. «Я — голос ваш...». М. : Кн. палата, 1989.

Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, коммент., ст. Н. В. Королевой. М. : Эллис Лак, 1998–2002.

Гинзбург Л. Я. Ахматова (несколько страниц воспоминаний) // Воспоминания об Анне Ахматовой / [сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных ; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова]. М. : Сов. писатель, 1991. С. 126–141.

Дувакин В. Д. Беседы с Виктором Ардовым. Воспоминания о Маяковском, Есенине, Ахматовой и других / подгот. текста М. Радзишевской, С. Петрова ; коммент. Н. Панькова. М. : Common place : Устная история, 2018.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой ; вступ. ст. Э. Г. Герштейн ; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М. ; Torino : Giulio Einaudi editore, 1996.

Лукицкий П. Н. Asimiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1 : 1924–25 гг. Paris : YMCA-PRESS, 1991.

Максимов Д. Е. Об Анне Ахматовой, какой помню // Воспоминания об Анне Ахматовой / [сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных ; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова]. М. : Сов. писатель, 1991. С. 96–125.

Мандельштам Н. Я. Из воспоминаний // Воспоминания об Анне Ахматовой / [сост. В. Я. Виленин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова]. М. : Сов. писатель, 1991. С. 299–325.
Скорыходов Г. Разговоры с Раневской. М. : АСТ, 2008.

Исследования

- Бродский И. Скорбная муза // Юность. 1989. № 6. С. 67–71.
Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты / отв. ред. Л. Г. Панова. М. : РГГУ, 2005.
Лихачев Д. С. Вступительное слово // Воспоминания об Анне Ахматовой / [сост. В. Я. Виленин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова]. М. : Сов. писатель, 1991. С. 3–5.
Меньщикова А. М., Снигирева Т. А. Поэтическое поколение в осмыслении Анны Ахматовой. DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.069 // Изв. Урал. федер. Ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 115–126.
Мок-Бикер Э. «Коломба десятилетия годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж : Изд-во Гржебина ; СПб. : Арсис, 1993.
Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М. : АСТ : Зебра Е, 2008.
Недоброво Н. В. Анна Ахматова // Рус. мысль. 1915. № 7. С. 50–68.
Попова Н. И., Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб. : Невский диалект, 2012.
Седакова О. «И почему у нас совесть и страх». К юбилею Анны Ахматовой. URL: [www.olgasedakova.com/Poetica/235](http://olgasedakova.com/Poetica/235) (дата обращения: 17.05.2019).
Серова М. В. Анна Ахматова: Книга Судьбы (феномен «ахматовского текста»: проблема целостности и логика внутривидовых взаимодействий). Ижевск ; Екатеринбург : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
Снигирева Т. А. Проблемы сакральной идентификации поздней Ахматовой // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2005. № 3. С. 76–90.
Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб. : Искусство — СПб, 2003.
Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитар. наук : пер. с фр. / вступ. ст. канд. филос. наук Н. С. Автономовой. М. : Прогресс, 1977.
Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра. Античные героини — зеркала Ахматовой. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/civyan-kassandra-didona-fedra-antichnye-geroini.htm> (дата обращения: 15.05.2019).

References

- Brodsky, I. (1989). Skorbnaja muza [The Mournful Muse]. *Yunost'*, 6, 67–71. (In Russian)
Foucault, M. (1977). *Slova i veshchi: Archeologija gumanitarnykh nauk* [Words and Things: Archaeology of the Humanities]. Moscow: Progress. (In Russian)
Likhachev, D. S. (1991). Vstupitel'noe slovo [Opening Remarks]. In V. Ya. Vilenkin, & V. A. Chernykh (Comps.), *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi* [Memories about Anna Akhmatova] (pp. 3–5). Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
Menshchikova, A. M., & Snigireva, T. A. (2016). Poeticheskoe pokolenie v osmyslenii Anny Akhmatovoi [Poetical Generation in Anna Akhmatova's Apprehension]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18, 4 (157), 115–126. doi: 10.15826/izv2.2016.18.4.069 (In Russian)
Moch-Bickert, E. (1993). "Kolombina desiatykh godov...": *Kniga ob Ol'ge Glebovoi-Sudeikinoi* ["Columbine of the 1910s": A Book about Olga Glebova-Sudeikina]. Paris: Grzebina Press, St Petersburg: Arsis. (In Russian)
Naiman, A. (2008). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow: AST; Zebra E. (In Russian)
Nedobrovo, N. V. (1915). Anna Akhmatova. *Russkaja mysl'*, 7, 50–68. (In Russian)

Popova, N. I., & Rubinchik, O. E. (2012). *Anna Akhmatova i Fontannyj Dom* [Anna Akhmatova and the Fountain House]. St Petersburg: Nevskii dialekt. (In Russian)

Sedakova, O. (2007). "I pochem u nas sovest' i strakh". *K iubileiu Anny Akhmatovoi* ["What's Our Price for Conscience and Fear". For Anna Akhmatova's Birthday]. Retrieved from www.olgasedakova.com/Poetica/235. (In Russian)

Serova, M. V. (2005). *Anna Akhmatova. Kniga Sud'by (fenomen "akhmatovskogo teksta": problema tselostnosti i logika vnutristrukturnykh vzaimodeistvii)* [Anna Akhmatova. A Book of Fate (the Phenomenon of Akhmatova's Text: The Issue of Entirety and Logic of Intrastructural Cooperation)]. Izhevsk; Yekaterinburg: Computer Research Institute. (In Russian)

Snigireva, T. A. (2005). Problemy sakral'noi identifikatsii pozdnei Ahmatovoi [On Sacral Identification of Late Anna Akhmatova]. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*, 3, 76–90. (In Russian)

Toporov, V. N. (2003). *Peterburgskij tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy* [The St Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St Petersburg: Iskustvo — SPb. (In Russian)

Tsiv'yan, T. V. (1989). *Kassandra, Didona, Fedra. Antichnye geroini — zerkala Akhmatovoi* [Cassandra, Dido, Phaedra. Ancient Heroines — Akhmatova's Mirrors]. Retrieved from <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/civyan-kassandra-didona-fedra-antichnye-geroini.htm>. (In Russian)

Zholkovsky, A. K. (2005). *Izbrannye statii o russkoj poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Selected Papers on Russian Poetry: Invariants, Structures, Strategies, Intertextuality]. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)

Меньщикова Анна Манасовна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: menanman@inbox.ru

Снигирева Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
ведущий научный сотрудник
сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: tas0905@rambler.ru

Menshchikova, Anna Manasovna

PhD (Philology), Senior Lecturer
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: menanman@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2084-9912

Snigireva, Tatyana Aleksandrovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia;
Leading Researcher
Department of the History of Literature
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, Sofia Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: tas0905@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3795-963X
Scopus ID: 57200179392